ДАМНАР

НЕВЕДЕНИЕ

III

18+

Марина Якунина

Марина Якунина
Дамнар. Неведение III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69516568
SelfPub; 2023

Аннотация

У молодого Князя Тьмы открываются глаза на многое, что он старательно не замечал многие года. Под впечатлением от осознанного он решает изменить судьбу девки – взять её в ученицы. Но для этого ей сначала придётся доказать, что у неё есть внутренний стержень. Но всему приходит конец, когда на грани смерти и безумия оказывается брат Князя.В случившемся обвиняют новоиспеченную ученицу. В глазах земляков она теперь – ведьма, а в глазах Князя – предательница, совершившая покушение. А чудовищный замок требует новых жертв.Перед сложным выбором встают все, и у каждого своя правда.Примечания:Рекомендуется читать после предыдущих частей "Дамнар. Неведение". У книг сквозная нумерация.Иллюстрацию для обложки делала сама с использованием нескольких нейросетей и постобработкой и дорисовкой в фотошопе.

Содержание

Глава 27.1. Адаптация 4
Глава 27.1. Адаптация 11
Глава 28.1. Неужто, помер? 17
Глава 28.2. Неужто, помер? 24
Глава 29.1. Антонов огонь 32
Глава 29.2. Антонов огонь 38
Глава 30. Чужой 46
Глава 31.1. Открой глаза! 54
Глава 31.2. Открой глаза! 62
Интерлюдия 4 69
Глава 32.1. Травма 77
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Марина Якунина
Дамнар. Неведение III

Глава 27.1. Адаптация

«Я в смятении. Не сплю уже третьи сутки. Девке, похоже, тоже толком не спится. Никак не могу абстрагироваться и перестать обращать внимание на её дыхание и пульс. Как же раздражает! Ну зачем я только вообще это всё затеял?»

Сет устало потёр переносицу, обмакнул перо в чернильницу и продолжил писать. Дневник он вёл редко. Собственно, если вдруг он попадался ему на глаза, и надо было предпринять попытку навести порядок в голове: тогда был шанс, что он сделает запись. А учитывая последние события, голову надо было не то, что чистить – отрезать тупым ножиком, промыть пару раз и пришить заново. А то и вовсе утилизировать. И отвлечься.

Девка заворочалась в своей комнате, тихо всхлипнув во сне. Видимо, перевернулась на другой бок. Сет вновь почувствовал укол совести и продолжил писать.

«У меня волосы дыбом и мурашки по коже, когда я представляю, что мог поддаться тому безумному безразличию. Я же обречённо решился. Я не хотел. Я не понимаю, с чего

я взял, что так нужно. Сейчас не понимаю. Тогда мне казалось, что понимал. Неважно. Я очень тихо открыл дверь. Итернитасу было бы достаточно просто отделения души от тела, чтобы нажраться и уснуть. Она бы даже ничего почувствовать бы не успела, не то что испугаться. Что я ожидал увидеть? Ну, тут вариантов немного. Либо тупое повиновение и ужас в глазах, либо, наоборот, некий торжествующий разврат. Ну, может быть, она могла бы испугаться Флаума и нервно стоять поодаль, как овца в загоне.

И что я увидел? Эта девка, стараясь громко не хихикать, сидит по-простецки на корточках и чешет пузо моему фамильяру! А он от удовольствия язык вывалил и лапой дрыгает. Щекотно ему, видите ли. Я её убивать иду, а они там потешаются! И глаза у девки все зарёванные. Коса растрёпана, будто за волосы оттаскали. Я тогда ещё подумал, «её что, брат побил?». Спрашивать не стал, конечно. Это их дело – не моё. Мало ли чем провинилась. Но отчего-то так стыдно перед ней стало…

Я даже отвернулся. Надеюсь, вовремя. Глаза-то небось были уже не человечьи. Вроде бы было достаточно темно, чтобы она не заметила, как я покраснел. Несколько десятилетий точно я этого не испытывал. А теперь не знаю, что с ним делать. И почему оно до сих пор не проходит, тоже не могу никак понять».

Краска вновь прильнула к щекам, что заставило Сета тихо ругнуться и отшвырнуть перо. Спать хотелось просто безум-

но. Было раннее утро, и девка наверняка скоро проснётся. За двое суток в кабинете отца удалось откопать из-под завалов диванчик. Можно было бы вздремнуть…

Флаум навострил уши и поднял голову, как только Хозяин встал из-за стола и начал ходить по комнате. Удостоверившись, что он не собирается идти в сторону доброй девушки, зевнул и растянулся вдоль двери её каморки поудобнее.

Сет недовольно поджал губы. Мало того что эта псина пришла не вовремя, так ещё и осмелилась на него ворчать. И заняла защитную позицию около девки, будто бы Сет давал ему команду "сторожи". «*Где это вообще видано, чтобы пёс, да ещё и фамильяр, рычал на хозяина? Все от рук отбились. Для них же стараюсь, паразита сдерживаю…*» – мысль закончить не удалось. Шаги разбудили и без того чутко спящую девку, а, значит, вести себя тихо было бессмысленно.

– Вставай! Солнце уже вовсю печёт. Бегом на кухню, перекус возьми с собой.

Есения подскочила с кровати как ужаленная, едва услышав голос князя.

Впопыхах оделась, наскоро перезаплелась и вылетела из комнаты, едва не споткнувшись о хозяйского пса. Тот поднял голову и приветливо завилял хвостом. Еся на миг задержалась, чтобы потрепать его за ухом. Не заметить, как хвост пса начал барабанить по стене, было невозможно. Грохот сдул девку из комнаты.

Сет укоризненно посмотрел на пса, чувствуя, что он его,

кажется, ревнует.

– Ну что, переметнулся, предатель? – буркнул Сет, снова садясь за стол.

Флаум сразу подскочил к нему, подлез под локоть и начал пытаться дотянуться языком до лица, по щенячьи повизгивая.

– Ну вот, теперь подлизываешься… – настроение у Сета было скверным, но руки сами потянулись потрепать пса за ухом и по холке. – Ты когда успел к ней проникнуться?

Увы, вопросы князь задавал риторические – дотянуться ментально и поговорить с фамильяром он не хотел. Флаум начал пытаться заглянуть к нему глаза, грозя перевернуть либо стол, либо хозяина прям вместе со стулом. Сет не выдержал напора и рявкнул, отпихивая пса в сторону:

– Хватит!

Флаум испуганно заскулил и поджал хвост, но не ушёл. Сет вновь почувствовал, что на душе начинают весьма ощутимо царапаться кошки. Со вздохом зарылся на несколько секунд лицом в ладони.

– Ну что ты от меня хочешь? Я устал. У меня нет сил ни думать, ни разговаривать. А отсылать её назад я тоже не хочу – боюсь, что её брат поколотит.

Флаум скептически фыркнул, мотнув мордой.

– Да, тут я уже понял, что со стороны это выглядит так себе. Но я же не силком её сюда тащил!

Пёс наклонил голову набок, высунув язык и часто дыша.

– Вы с Джастином сговорились что-ли? Не обижу я её! – и осёкся, вспомнив испуганный взгляд брата и затравленный – девки. Да и то, что он собирался совершить до того, как открыл дверь в покои, слабо подходило под определение "не обижу".

– Обещаю… А ты сходи что ли к Джастину, как он там…

Флаум издал невнятный звук, вероятно, попытавшись сымитировать речь, но всё-таки послушался и потрусил прочь. Князь в ожидании возвращения девки вернулся к дневнику.

«Я что, всерьёз приревновал на миг пса к девке? Вообще, даже интересно, с чего вдруг к ней такое расположение… Он, как и я, привыкает с трудом к новым людям. Пожалуй, Герда была последней, к кому он так ластился. Может, пороюсь потом в его памяти…»

Сет писал ещё какое-то время в ожидании возвращения служанки. Она не заставила себя долго ждать. Вернулась с кружкой воды – вчера ей явно было слишком жарко. Глаза опять на мокром месте. *«Как бы её отучить? Саму не раздражает?»* – с некоторой досадой подумал князь, и они вместе отправились в кабинет отца.

Там девка поставила кружку около двери в коридоре на пол, так чтобы если она вдруг разлилась – ничего бы не пострадало. Вопросительно взглянув князю в глаза и, получив утвердительный кивок, принялась за прерванную вчера сортировку бумаг.

Сет, видя что девка к делу пристроена, устало прилёг на диван и прикрыл тяжёлые веки. Звук тока крови и дыхание служанки перемешивались с шуршанием бумаг, чириканьем птиц и шумом ветра за окном. День выдался знойным. В кабинете было весьма жарко и довольно душно. Князь раздумывал, стоит ли открыть ставни, прислушиваясь ко всем этим звукам и, наконец-то, смог задремать.

Есения не заметила, что князь провалился в сон. Она была занята своими невесёлыми мыслями. Как на неё с упрёками накинулся Ярек, ругая её на чём свет стоит. Как в красках описал, чем для неё обернётся исполнение распоряжения князя. Её пожитки хранились в общем с Кэйей сундуке, и их было немного. Но она собиралась почти не видя вещи – в глаза стояли слёзы обиды и страха. Поднимая голову, умудрилась зацепиться волосами за замок на крышке. Запуталась, насилу освободилась, удивляясь, как не выдрала себе целый клок. Собственно, после этого Ярек и влетел в комнату, начав её чихвостить. Она и забыла сразу о косе.

Ей впервые в жизни казалось, что Ярек её ударит, но братец сдержался. Оборвал тираду на полуслове и замолчал. Стал старательно делать вид, что её тут и вовсе не стоит. А для неё это было ещё хуже. «*А как не исполнять-то? Сам бы небось в покои пошёл, если бы князь приказал*!» – чувствуя, что снова начинает злиться, подумала Есения. Они с братом впервые в жизни так сильно рассорились. Свидетелей их разговора не было – Кэйа, Вилфред и Олаф тогда ки-

нулись к Джастину. Есения уже сильно позже узнала от подруги во время завтрака, что произошло, и чуть было не задохнулась от ужаса и чувства вины.

Глава 27.1. Адаптация

Продолжая перебирать бумаги, Еся наткнулась на тонкую книжицу и открыла её наугад, чтобы определить, в какую стопку отправить далее. Почерк князя узнала сразу и прочитала несколько строк:

«*Хорошо, что я тогда не забрал у дракайны артефакт. Иначе общаться было бы проблематично. Нашу речь-то она сама быстро выучила… Можно было бы, наконечно, общаться жестами, но очень уж это утомительно. Да и вдруг решит поговорить с кем-то кроме меня*». – поняв, что перед ней, скорее всего, старый дневник князя, Еся отложила его отдельно и вернулась к работе, вновь погружаясь в невесёлые воспоминания.

В тот страшный день, когда она добралась на подгибающихся коленках к покоям Князя, увидела скулящего пса. Он неожиданно настолько радостно её встретил! Подскочил, завертелся юлой, молотя хвостом ей по коленям и бёдрам. А хвост-то сильно лупит! Но не больно, а весело. И морда такая смешная. Весь страшный, огромный, зубастый, я прям как щенок себя ведёт. Не смогла удержаться, чтобы его не погладить. А тот на пол завалился и пузо подставил. Есения за последние месяцы выплакала столько слёз, что переключиться и хоть немного порадоваться было жизненно необходимо. Приятно было почувствовать себя ребёнком, забыть

на миг и навалившихся невзгодах и возможных предстоящих бедах.

Князя она не сразу заметила. Очень уж тихо дверь открыл. Стоял, на неё не глядя, весь какой-то потемневший. В глаза ему было страшно смотреть. Вдруг что не так истолкует, а как поведёт себя, как Ярек предполагал? Братец-то вон, уже скоро отцом станет. Ему, видать, виднее. Да и Траян столько раз обидные слова про её взгляд бесстыжий говорил. Может, действительно с ней что не так? Но как так может быть, если она никогда о подобном не помышляла даже?

Размышления прервал странный звук, Ася обернулась к его источнику. Князь вздрогнул, взмахнув руками, с полуоткрытыми глазами, и часто дышал. У девушки прошёл неприятный холодок по позвоночнику, будто бы под рубаху забрались несколько больших пауков.

◦ ☽ ◯ ☾ ◦

«Его звали Раймос. Он называл себя странником. Дивное существо. Напоминал ожившую в пруду корягу с плавниками. У нас не сразу получилось наладить общение. Но его способность к языкам оказалась изумительна. Он и рассказал мне всё, что знал про иные миры. Но я не решилась пройти в композитум, хоть он и уверял, что это безопасно. Он недолго пробыл в Вириди Хорте. И ушёл дальше. С тех пор я не встречала существ с даром построения портала. Да и Раймос говорил, что в его мире подобные способности фи-

гурировали разве что в легендах.

Пробовала сама. Что-то получилось, будто бы в глубине моей памяти уже было знание… Но я не решилась пробить большую брешь в моём юниверсуме. Мой мир мне нравится, какой он есть». – Леди Руасил убрала со лба непослушный локон, передала в руки прочитанную записку сидящему рядом Октавио и стала глубоко дышать, глядя в окно, стараясь скрыть от посторонних головокружение. Ей сильно нездоровилось последние годы. Лекари утверждают, что это всё тоска по родному миру, поскольку не могли найти причины. А ей становилось хуже. Настолько, что дежурные лекари всегда находились где-то неподалёку, стараясь лишний раз не докучать своим присутствием.

– Так что, выходит, ваш демиург тоже в теории мог начать путешествовать? Но почему же она покинула Вириди Хорт?

Леди Руасил мило улыбнулась. Ластиэль и раньше был любопытен, а сейчас, когда нашёл нового друга, будто бы задавал вопросы вместо него. Новый вампир полюбился Леди, даже несмотря на его сходство с Ферджином. Очень уж ей понравилась история с его возлюбленной. Казалось, что человеком он был неплохим, и таковым и остался после обращения. Да и Ластиэль вернулся, что не могло её не радовать.

– Мир слишком изменился, вопреки её замыслу. Видимо, она не смогла себе простить, что допустила подобные метаморфозы.

– Этой записки я ранее не видел… – несколько сконфу-

женно признался Ластиэль.

– Леди Силавия передала целый сундучок. Молодой князь уверяет, что раз мы в другом мире, записки не имеют смысла, но я с ним не согласен, – подал голос Селфис.

– Вы вновь погрустнели…

– Столько лет прошло, произошло столько событий. Признаться, я иногда сомневаюсь в том, что была справедлива к нему.

На лице Селфиса при упоминании младшего брата не дрогнул ни один мускул. А вот то, что мать гложут сомнения – задело. К тому же Ластиэль начал странно на него порой поглядывать. Вероятно, сказывалось его длительное отсутствие. Но разобраться с этим можно было позднее.

Леди Руасил'авара вновь запустила руку в сундучок с записками демиурга. Этот подарок от Айвори был весьма внезапным. И являлся единственной ниточкой, что хоть както связывала его с Сехфиром. И ей хотелось верить, что когда-нибудь эта душевная боль утихнет… Взяв в руку очередную записку, она ощутила, как сознание уплывает. Мир качнулся и погрузился во тьму.

Ластиэль, успел подхватить на руки оседающую Леди Руасил. Селфис вскочил с места и выкрикнул:

– Лекаря!

Затем резко опустился на колени рядом с замершим в испуге Ластиэлем и прикоснулся к её шее, проверяя пульс.

– Она жива, но это слишком странно. Друзья, если у вас

возникнет недомогание, немедленно сообщите, – затем он, нарочито нежно взял её безвольно повисшую руку в свою и, заметив странное, повернул ладонью вверх. Её пальцы изменили цвет на грязно-жёлтый, и это смогли рассмотреть все присутствующие.

В беседку вбежал запыхавшийся лекарь и сразу ринулся к королеве. Селфис вопросительно посмотрел на него.

– Скажите, что я ошибаюсь…

Лекарь мазнул взглядом по демонстрируемой ладони, обеспокоенно начал шарить по карманам и вытащил небольшой пузырёк с прозрачной жидкостью. С лёгкостью откупорил горлышко, осторожно капнул королеве на пожелтевший палец.

Вода, потёкшая по её руке, почти сразу изменила цвет на тёмно-коричневый.

– Вы правы, это похоже яд. Но мне пока неясно, какой именно. Нужно подобрать антидот.

– Моя лаборатория в вашем распоряжении. На нижнем уровне в соседнем здании. Ластиэль вас проводит. Я сам отнесу матушку в её покои.

Октавио, всё это время теребивший в руках оброненную леди записку, покачнулся от внезапного головокружения, что не осталось незамеченным Селфисом.

– Друг мой, покажите руки.

Октавио рассеянно протянул вперёд открытые ладони, всё ещё сжимая записку. Кожа начинала желтеть почти по

всей площади, но регенерация уже действовала – цвет уже тускнел. Только в месте соприкосновения с бумагой оставался ярким.

Селфис, оставив мать лежать на руках Ластиэля, быстро поднялся, схватил со столика салфетку и осторожно взял отравленный лист бумаги из руки Октавио.

– Позвольте. Кажется, мы нашли предмет. Мой друг, я вынужден буду задать вам несколько вопросов. В лабораторию провожу сам. Захватите, пожалуйста, шкатулку. Ластиэль, отнесите Леди Руасил в её покои и побудьте с ней до моего возвращения.

– Он ни при чём! Вы же знаете, мы прибыли вместе и по моей инициативе! – взбудоражился Ластиэль, настороженно подглядывающий на своего короля.

– Разумеется, я помню об этом. К тому же записки в шкатулке – все были переданы леди Силавией, об этом я тоже прекрасно помню, – разумеется, он не упомянул о том, как он скрупулёзно собирал несколько месяцев краденные эльфийкой бумаги из уруаха, перед нанесением яда. Не упомянул он и о том, сколько раз менял рецептуру, чтобы достичь нужного эффекта и внешнего проявления. И никто не узнает, как он подгадывал момент, чтобы передать леди Руасил он, разумеется, умолчал.

Глава 28.1. Неужто, помер?

Сету вновь снился кошмар. На этот раз всполохи воспоминаний почти не угадывались. Битва. Руины подземного города в разверзшейся расщелине. Обычные стрелы и энергетические импульсы крошили стены в порошок, превращая укрытия в потенциальные могильные курганы. Кто-то из эльфов с очень знакомым лицом атаковал. Вокруг него распространялось ядовитое облако, попадая в которое скукоживалось и отмирало всё живое. Черты лица по-прежнему были не узнаваемы. Он был похож одновременно на всех. И нападал он не на Сета, а на его мать.

Леди Руасил не обладала ни боевой, ни защитной магией. Её дар был, как и у Леди Силавии – ментальный, это вообще достаточно распространено у эльфийского народа. Защититься ей было невозможно. Он же лежал, опутанный колючим плющом, с ужасом наблюдающий, как она медленно к нему приближается, будто не замечая опасность. Он мог бы закрыть её собой. Но не мог дотянуться. Не понимал, видит ли она его, и поверит ли она ему.

– Сюда! – невнятно, будто бы рот связало смолой, сказал Князь, дёргано ворочая головой. – Скорей!

Есения, не понимая, что происходит, подскочила к дивану с бешено колотящимся сердцем, не зная, как помочь. Со стороны состояние Князя чем-то напоминало ей падучую. Или

же, что с сердцем худо. Стоило ей приблизиться, как Князь вцепился в её руку, сжав запястье тисками и сильно дёрнул на себя. Она потеряла равновесие и упала к нему. Тот тут же подхватил её, прижав её голову к своей груди так, что Есении показалось, что ещё чуть-чуть, и он свернёт ей шею, и стал поворачиваться набок, продолжая её сжимать до синяков. Чем сильнее она сопротивлялась, тем крепче и болезненнее стискивать капкан его рук.

К его удивлению, Леди Руасил подошла, по-прежнему беспечно не обращая внимания на опасность. Он смог дотянуться и увлечь её в укрытие. До чего же матушка была лёгкой! Почти невесомой. Словно пёрышко. И вдруг показалась гораздо меньше, чем он её помнил. У Сета похолодело внутри и начали подрагивать от переживаний пальцы: «*Вдруг её достиг импульс и стал её уменьшать? Что происходит?*» Повреждённые стены неведомых руин продолжали крошиться. Атакующий эльф, поочерёдно принимающий облик то Джастина, то Селфиса, то самого Сета, то вновь становясь неузнаваемым, всё приближался. Матушка вырывалась. «*Всё ещё мне не верит? Некогда*», – Сет прижал её к себе, поворачиваясь спиной к угрозе, по-прежнему не в состоянии встать.

Неожиданно матушка его больно укусила. Сет в недоумении опустил голову вниз, пытаясь увидеть её лицо. Черты Леди испарились, превращая её в какую-то совсем юную де-

вушку, имени которой он не знал. Даже руины на несколько мгновений изменились, будто бы они переместились с внутреннего двора в захламлённый кабинет. Но затем черты девицы вновь изменились – на него смотрела дракайна с окровавленной губой, только отростков-змей на голове почему-то не было. Он уже начал осознавать, что все метаморфозы ему всего лишь снятся, но проснуться не выходило. Помня, чем в прошлый раз закончилась их встреча, Сет оттолкнул от себя смертоносное существо со взглядом василиска. Когда она ушла из поля зрения, наконец перешёл в глубокий сон, краем сознания додумав, что в этот раз всё же превратится в камень. И он уже слышал грохот от хоронящих его глыб…

Когда Князь отпустил и оттолкнул от себя Есению, она свалилась на пол, роняя стоявшую рядом с диваном стопку книг. Фолианты рухнули с грохотом, но дамнар не обратил на них внимание. Даже как то-то затих.

Есения уже догадалась, что Князь просто спал, и растирала кожу, где вот-вот должны будут выступить синяки. «*И зачем я только полезла? Чуть шею мне не сломал!*» – в горле сильно першило от крика, сердце всё ещё колотилось, как бешеное, несмотря на то, что испуг прошёл сразу, как только ей удалось высвободиться. Есении нервно потёрла себе шею, ощущая нарастающую досаду. Чувствовала себя глупо из-за всей ситуации в целом и беспокойно из-за того, что

единственное, что пришло ей на ум, чтобы освободиться – это его укусить. Её крика он не слышал, видать, сновидение было сильнее.

Хотелось избавиться от железного привкуса крови. Увы, прополоскать рот было проблематично – никуда не выплюнешь. Хотя бы запить. Есения, мечтая сделать глоток прохладной, чистой водицы, ярко представляла себе её вкус, стараясь мысленно абстрагироваться от осознания того, что у неё во рту чужая кровь. Она торопливо направилась к припасённой заранее воде. Когда пила из кружки, недовольно поглядывала на Князя. Укус на его груди уже исчез, а вот её синякам ещё только предстояло появиться. И заживать им наверняка придётся не одну неделю. Даже немного завидно.

Рассматривать Князя ей было неловко. Она вообще привыкла, что ей нельзя глаза с земли поднимать, тем более на мужчин смотреть. А этот вообще почти всё время был без рубахи. Символы эти на груди очень походили на буквы родного Князю языка. Она запомнила некоторые, когда ещё была в лаборатории.

Несмотря на то что князь перестал в полусне изображать припадочного, беспокойство девушки только усиливалось. Она никак не могла понять, почему. Черты лица князя разгладились, из хищных став умиротворённо-спокойными. Кожа, всегда казавшаяся слишком бледной, сейчас выглядела совсем нездоровой, будто бы посерела. Но с этим ещё можно было как-то смириться. И тут она поняла, что её так сильно

беспокоило. Князь не дышал. Совсем.

Осознав это, Есения, чтобы сдержать крик, зажала рот себе рукой.

«*Неужто помер*?» – из-за этой мысли сознание чуть было не покинуло Есению.

Она успела подумать о том, что теперь её, как последнюю к кем он был рядом, скорее всего, обвинят в его смерти. Есения забыли и про синяки, и про все страхи, касаемо этого существа. Сейчас он просто был человеком, которому несколько мгновений назад было худо, а теперь он и вовсе дух его покинул. Крики его не разбудили, её попытки вырваться и укус – тоже. В отчаянии, размышляя, что всё лучше пусть уж лучше он её накажет, чем потом её казнят, Еся предприняла единственную пришедшую ей на ум попытку привести его в чувство – подошла ближе и плеснула ему на лицо остатками воды из кружки.

Пробуждение было очень резким. И мокрым. Стоило воде попасть на его лицо, как Сет на рефлексах сел, ничего не соображая спросонья, и стал дёрганными движениями утирать себе глаза ладонями.

– Живой! – послышался обрадованный дрожащий звонкий девичий голос. Сет недоумённо уставился на источник звука, всё ещё не осознавая, где очутился.

На него во все глаза смотрела, стоя на коленях, девка. В руках, прижатых к сердцу, держала пустую кружку. Быстро

окинув взглядом окружающее пространство, Сет, наконец, осознал, что уснул в кабинете отца. И сообразив, что произошло, покатился со смеху, вновь откинувшись на диван.

Есения с изумлением смотрела на смеющегося, как ребёнок, князя. Весёлый, лишённый злости и ехидства хохот совершенно не увязывался со всем произошедшим. От сердца отлегло, когда он очнулся, даже несмотря на то, что это наверняка значило наказание за такое фамильярное пробуждение. Она настолько обрадовалась, что он очнулся, что искренне заулыбалась в ответ, не в силах двигаться.

– Ну ты даёшь! Хотя, сам виноват, не предупредил, – отсмеявшись, невероятно забавляясь озадаченным видом служанки, сказал Сет.

– Простите! Я подумала… – начала было оправдываться спохватившаяся Ея.

– Я знаю, что подумала. На самом деле, ни одна нянька поседела в моём младенчестве, пока родные и прислуга не привыкли, что именно так сплю… Уверен, что помру я как-то иначе, не надо меня каждый раз мочить, чтобы разбудить, ладно? – Сет впервые за долгое время пребывал в необъяснимо хорошем расположении духа. С теплотой и грустью вспомнилось, как когда-то очень давно таким же образом его разбудила Герда. Только тогда она на него вылила целую вазу, а потом ещё хорошенько отлупила подушкой за то, что так её напугал.

– Я… Я вас укусила ещё … – промямлила девушка, ре-

шив, что если он это помнит, то лучше сама признается, опуская взгляд в пол и внутренне сжимаясь.

«*Жаль, её глаза мне определённо нравятся*» … – подумалось Сету. Память сразу подкинула огрызок воспоминания с дракайной.

– Вот как? – заискивающе спросил Сет. – До крови?

Служанка испуганно закивала, её пульс сильно участился. Князь, наблюдая за её реакций прищурился и с ухмылкой спросил:

– И что же мне с тобой теперь делать?

Глава 28.2. Неужто, помер?

Есения, на миг подняв глаза и, встретившись с ним взглядом, вспыхнула до кончиков ушей, и сразу уставилась в пол. Князь едва сдерживал смех, глядя на её смущение и испуг, решил, что на сегодня с неё хватит. Всё-таки он планировал, чтобы она к нему тоже привыкла и перестала постоянно испытывать страх.

– Забудь. В конце концов, ты мне тут жизнь спасала. Будем считать, что мы в расчёте.

Есения робко подняла взгляд. Князя она, откровенно говоря, очень боялась. Всё время напоминала себе, но он и человеком-то не является. Вот что у него на уме? Улыбка настолько не сочеталась с её представлением, что ей мерещилось, что тот её испытывает. Или на что-то рассчитывает. Во всяком случае Ярек много что про планы князя успел наговорить. Щёки вновь начали пылать от воспоминания их ссоры, взгляд снова устремился в пол.

Сет с сожалением вздохнул. По лицу девушки было видно, что идёт внутренняя борьба, и у него были ощущения, что не только его слова являлись тому причиной. Играть же с ней сейчас было совершенно лень: выспаться по понятным причинам не получилось. К тому же его напрягло то, что в организм девки попала его кровь. «*Нет, превратиться в вампира она бы от этого точно не сможет, но гарантировать,*

что это совершенно никак не отразится – не могу. С другой стороны, Флауму же ничего плохо не сделалось – только шкура изменилась. Вода с него как с гуся стекать стала, да и ничьи клыки и когти не прокусывали – соскальзывали. Но он и слизал её, будучи щенком, гораздо больше. Может, вообще обойдётся…» Желая отвлечь и себя, и девушку от переживаний, попытался перевести диалог в иное русло.

– Нашлось что-нибудь значимое?

– Пришли пара писем с описанием твари, как та, что в нашу деревню попала. Вопрошают, чьих рук дело. Этих существ убили и сожгли – побоялись сюда везти.

Князь недовольно заворчал. Липкое беспокойство, заснувшее было на время, вновь охватило мысли. Что, если он ошибся, и история с Вириди Хортом повторится? Ещё один мир заселят упыри и гули?

– Далеко?

– Что далеко? – не поняла Еся, боясь, что Князь опять будет сердиться.

– Тварей этих обнаружили далеко от Итернитаса? – хмурясь, не смотря на служанку, уточнил Сет.

– Я… не знаю… – замялась Есения, чувствуя нарастающую панику.

Сет раздражённо вздохнул. Конечно, то, что девка могла хоть что-то сортировать было несказанно удобно. Но то, что о мире она совершенно ничего не знала, упустил из внимания.

– Письма мне дай, – спокойно произнёс он, рассматривая потолок.

Есения торопливо передала ему бумаги с этим сообщением и встала на коленки рядом. Сет покосился краем глаза, оценивая вид. Девка вопрошающе смотрела на него во все глаза. Было похоже, что ей просто так удобнее. Или кто-то ей втолковал, что её голова не должна быть выше… Слышал он подобные правила. Раздражали. «*И пульс опять частый. Снова испугалась? Теперь-то чего? Лежу, ведь, вообще ничего не делаю!*» Переместив взгляд на бумаги коротко бросил:

– Порядок сам себя не наведёт.

Служанка торопливо вскочила и начала разгребать развалившуюся гору книг. Сет углубился в чтение, ощущая внутренний дискомфорт.

Доклады были от двух ковенов. Один из них находился недалеко от Интерпида. Другой же располагался сильно ближе к эльфийскому дворцу. Объединяло записки, помимо того, что озвучила девка – опасения вампиров по поводу повторения истории Вириди Хорта. Даже им, равнодушным мертвецам, не безразлично. Или же им просто подсказывала память нужную реакцию.

В их родном мире Жрец научился использовать энергию Итернитаса, чтобы поддерживать в активном состоянии ожившие трупы, не задействуя на постоянной основе свой вессель. Нарочно или нет, контроль над распространением этой плесени был утерян. Кладбища пробуждались одно за

другим вопреки воле Жреца. Существа обретали какое-то подобие разума, и это подобие им диктовало необходимость жрать. К превеликому счастью для тех, кто соображал бежать – большинство разбуженной таким образом нежити были трупоедами. На живых нападали только в случае, если те мешались на пути. Гули не чувствовали боли, страха, усталости и, разумеется, жалости. С упырями было хуже – тем подавай свежее мясо.

Брать под контроль разум тварей было противно. Не в том плане, что не соответствовала каким-то принципам. Наоборот! Усмирить эту заразу было необходимо. Заразу в буквальном смысле. Чистоплотностью падальщики не отличались, и болезни несли с собой соответствующе. Только вот держать в узде их разум было всё равно что разминать в руке насквозь гнилое яблоко. А когда это приходилось делать долго, казалось, что даже во рту и где-то внутри начинал ощущаться вкус и запах протухшего мяса. Отец запрещал уничтожать этих тварей. Они были замечательными боевыми единицами. При поимке нужно было тащить жрецу, а тот уже привязывал их к Итернитасу. Который, в свою очередь, питался их жертвами. Этакое материализовавшееся щупальце.

Паразит набирал силу, пробуждал новые очаги мертвечины, и всё повторялось. Одно радовало – без мяса и сухожилий, одни только кости, были неопасны. А гнить мертвецы не переставали. Имели срок годности. Увы, слишком дли-

тельный, и слишком много успевали наворотить за время их бодрствования.

От воспоминаний отвлекла девка, буравящая его взглядом, держала очередную бумагу. Сет протянул руку, чтобы прочитать.

«Иморталы – мои первые дети. Я пишу эти строки, находясь в воплощении их тела. Это материальность интересна, но неудобна. Гораздо хуже видно и слышно. Медленнее. Вероятно, когда закончу облачённые в слова мысли, снова растворюсь на тысячелетия».

– Зачем ты мне её дала? – Сет приподнял бровь. Записки демиурга он ещё несколько лет назад вдоль и поперёк изучил. Они для него не представляли интереса.

– Кто такие иморталы? – с искренним интересом спросила девка.

– Условно бессмертные существа. Те, кто не стареет. Или стареет настолько медленно, что до старости всё равно не доживёт. Что, в твоей книге про них ничего не написано?

– Там есть главы про эльфов и вампиров… Но не говорилось, что они могут вдохнуть в воду жизнь.

– Ну, эльфы вполне себе иморталы. Вампиры… сомневаюсь. А про воду у тебя откуда такие фантазии?

Есения рассказала ему про встречу с водяницей, запавшую ей в память и никак не желающую уходить из мыслей. Она была бесконечно благодарна Флауму, освободившему её от чар духа воды.

Князь задумался. Мир Атиозес был ещё не до конца изучен, но что касалось их проклятого островка – исследовано вдоль и поперёк. О существовании некого духа воды он не знал. Русалки и мавка для него новостью не были. И возникли они на острове уже после их переезда. Вероятно, чужаки могли немного влиять на законы природы юниверсума, в котором очутились. Так, на Атиозесе первоначально жили сирены, нимфы, гарпии, дракайны, ламии, хорнды… Вероятно, что существовали более редкие виды, оставившие свой след в мифах, но прослеживались особенности. Все вышеперечисленные никсы были уже рождены человекоподобными монстрами от таких же родителей. Демиург явно выбрал для своих созданий эволюционный путь. И Сет не мог не заметить, что большинство подобного рода существ было женского обличья. Будто демиург имел какие-то особые предпочтения на этот счёт.

Что до болотной мавки – грустная история. Собственно, на Вириди Хорте именно что мавок не водилось. Она появилась почти сразу после переселения на Атиозес. Глупая девка, влюбившаяся в Сета по неведомым ему причинам. Одна из сотен постоянно сменяющих друг друга в замке. Тень, обязанная выполнять свои функции. Вероятно, он обращал на неё внимание несколько раз. Не будь дураком отказываться от развлечения, Сет периодически пользовался положением, как и в Вечном Лесу, не зная имён и даже толком не запоминая лиц. Во всяком случае, пока Жрец отсутствовал в

замке, дабы тот не смог подловить строптивого Наследника и поспособствовать жертвоприношением зачатию. Кто мог предположить, что девка пойдёт топиться в болоте, когда застала его с очередной подстилкой? Тем не менее дуру было жаль. Кажется, по этому поводу тоже мучили кошмары, сопровождаемые выбросами энергии весселя во сне… Через несколько дней утопленница чуток позеленела, «ожила», охладела к предмету воздыхания, и стала завлекать в трясину проходящих мимо мужиков. Удивительно, но Хорнд быстренько нашёл с ней общий язык. Это всех устраивало.

Русалки же в озере около тренировочной площадки появились значительно позже. Причём, именно там девки стали топиться по совершенно разным причинам, будто туда, что их тянуло. Вены вскрывали, яда пили или вешались в десятки раз меньше. Скорбящие родные указывали на разные причины: от безответной любви и смерти близких, до побоев от золовки и опостылевший быт. Но озёрные русалки оказались мирными. Пели, иногда купались рядом, но в целом сторонились как живых, так и мёртвых обитателей Итернитаса.

А вот про жалеющего горемычных страдалиц духа озера Сет слышал впервые. Зато это его наличие объясняло приток русалок. И фраза про иммортала и демиурга зацепила. «*Выходит, что демиург в юниверсуме всё-таки в наличии, и он не против их присутствия? Если он рассмеялся, то он воплощён? Или был воплощён лет двадцать назад, когда уча-*

стились случаи с русалками? Увы, сейчас уже и не вспомнить, кто навещал Итернитас в тот период. Неужели ни Отец, ни я не смогли распознать такое могущественное существо, как демиург? Да ещё и иммортал, способный вдохнуть жизнь в воду… Эх, знать бы об этом чуть раньше…» – у Князя перехватило дух от мысли, что творец мира мог стоять рядом с ним на расстоянии руки, а он об этом даже не догадывался. Но, увы, событие было явно слишком давним, чтобы представлять интерес.

Сет перевёл взгляд за смотрящую на него во все глаза Есению и улыбнулся. Ранее, видя её покорность и вечное нытьё, подумывал, что удобнее для всех будет, если он воспитает её под себя. Доломает в нужных местах то, что начали сгибать её родные и земляки. Она казалась мягкой как глина – и слепить можно было весьма симпатичную куклу.

«А девка-то сейчас могла бы вместе с русалками в озере плескаться, а нет ведь – справилась. Пусть и с помощью. Может, всё же остался в ней внутренний стержень? Как бы проверить?» – сомнения всё-таки не полностью оставили Сета, и он вновь направил на девку оценивающий взгляд.

И случай вскоре представился.

Глава 29.1. Антонов огонь

«Ну вот что ей надо, а? Я же вижу её сладкое волнение. Чувствую, как ускоряется кровь, и её тело изнывает в томном вожделении. А кроткий взгляд её лазоревых глаз меня с ума сводит. Я даже невольно начал сравнивать их с драгоценными камнями. Пришёл к выводу, что больше всего подходит апатит. Либо адуляр – лунный камень… Первый прозрачен как слеза и изменяет свой цвет не хуже хамелеона от самого светлого топаза до всполохов синего в чёрном опале. Понимаю, что это освещения зависит, но как же завораживает… А второй вариант таит в себе секрет. Они изнутри мягко светятся. Настраивает на некий лирический лад.

Но где я, и где поэзия? Даже забавно. Поймав себя на мысли, что слишком уж обращаю внимание на взгляд простой девки, подумалось смешное – неужто умудрился влюбиться? Поразмыслил – нет. Показалось. Это всё тягучая скука. Я и трещины на стенах Итернитаса порой с интересом разглядываю, и мерещится в них некий проблеск света. Скука и одиночество… Как бы с Джастином примириться? Палку я точно перегнул, но и он, совершенно не подумавши повёл себя. Одно дело, когда мы наедине, и он высказывается – но при свидетелях…

А что до девицы… Глупость такая… Если подумать, то что меня останавливает? Пари, заключённое от вязкой ску-

ки с самим собой? Даже смешно. И печально. Не могу перестать сравнивать эту девку с Гердой. Где последняя мне давно бы уже накостыляла всем, что под руку попалось, эта замирает, вся напрягается и дышит через раз. В чём сложность, мне ответить? Я ж ей руки не заламываю… Вообще, веду себя крайне прилично, особенно если вспомнить наши с Селфисом развлечения в вечном лесу.

Ладно, допустим, самый унылый вариант: материальная выгода. Что мы имеем? Юная миловидная девица из самых низов. Без семьи. Если я правильно понял, то что дядька, что брат – ей не родные. Да и могли бы и заступиться, если так подумать, но нет – живёт себе, и никто её вызволить не спешит. Религиозно вроде бы тоже не скована – вся деревня вечно в церкви прохлаждается. Эта хоть раз бы попросилась отлучиться на службу. Вроде бы молится иногда в своей комнате. Почти неслышно. Но бессистемно. Да и её землячки настолько стыдливыми не являются. Хорошо хоть, после трапезы чуть ли не каждая вторая продолжение предлагает, иначе бы я совсем извёлся.

Может дело в природной скромности? Тогда зачем даёт себя уложить и тискать? Пусть и не доходя до совсем уж откровенных ласк, но всё же… И пугается в какой-то момент. Жаль.

Я даже было думал, что у неё свой далекоидущий расчёт, хоть при её внешней наивности это маловероятно. Ну, девицы же часто мечтают, чтобы замуж, и дом получше.

Между делом пытался её расспрашивать. Так она, похоже, вообще о замужестве не думает! Одно радует, что она не совсем дура и не намечтала бог весть что про меня, но с другой стороны… Всё при ней. Может, в помещицы она и не годится, но для хозяйства-то приспособлена. Я даже привыкать начал. Скоро совсем избалуюсь. Не могу сказать, что извечный хаос в интересуемых меня помещениях совсем отступил, но стало настолько проще. И в покоях даже как-то уютней. Может быть просто оттого, что живой человек рядом. Может это у женщин свой особый дар наводнять помещение мягким теплом. Не знаю. Может быть, я просто привык и размяк.

Ах да! Она же нашла среди завалов отцовских бумаг шахматы! Жаль, с Джастином до сих пор в ссоре. Он со мной подчёркнуто-отстраненно вежлив. Этакая едкая приторная субординация. От нечего делать предложил ей поиграть. И ведь получилось! Нет, она, разумеется, не выигрывала. Но правила запомнила быстро. И играла с азартом, ни капли не расстраиваясь поражениям. Даже один раз на меня чистосердечно обиделась. Этакий рассерженный воробышек. Всего-то поддался один ход, а она заметила. Забавная. И сообразительная. Больше так делать не стал. Она успокоилась и вскоре стала улыбаться. Вообще, по мере привыкания стала плакать меньше. Наконец-то… Её улыбка и смех мне нравятся определённо больше, чем слёзы».

За дверью послышались торопливые шаги. Служанка воз-

вращалась с ужина. Сет отложил перо, раздумывая, дать ли ей отдохнуть этим вечером. Пусть выспится хорошенько. Он всё взвешивал, может, стоит найти братца и объясниться… Девку можно и запереть в таком случае. Предупредить, только чтобы не пугалась, что не сможет выйти из комнаты. Вернулся бы к её пробуждению.

Есения тихонько прошмыгнул в дверь, старательно пряча глаза. Новости, принесённые ей Яреком за ужином, вновь отразились потоком слёз из глаз от охвативших её чувств беспомощности и безысходности. Она надеялась, что сможет отпроситься у князя на вечер, чтобы успеть сказать хотя бы пару добрых слов, до того как свершится неизбежное.

Заметив, что у девки опять глаза на мокром месте, князь недовольно поджал губы и вздохнул:

– Кажется, я умудрился молча сглазить, – пробормотал он, закатив глаза. Когда девка застыла перед ним, раздражённо спросил: – Теперь-то что стряслось?

Есения, поклонилась, держа руку у сердца. Она старалась прятать слёзы, с тех пор как Князь её отругал за несдержанность. Справившись с комком в горле, произнесла дрожащим голосом:

– Дозволения прошу отлучиться. Проститься… – дыхание вновь перехватило. Еся стала глубоко дышать, надеясь, что этого хватит.

– Мертвецам безразличны разговоры, девочка. Да и на ночь глядя? Неужто до утра не терпится?

– Эйлерт живой ещё. Наверное. Надеюсь. Он в церкви, его пытались лечить.

– Молитвами? – презрительно хмыкнул князь, покачав головой.

Есения активно завертела головой. Она и сама давно убедилась, что в большинстве случаев небо глухо к людским речам.

– Мы все за него молимся. Лечили травами, но Антонов огонь и молодых забирает, а Эйлерт уже стар, – заметив, что Князь выразительно приподнял одну бровь, уточнила: – Острый живот. Он уже вторые сутки в агонии.

Сет присвистнул. От острого живота люди умирали частенько. Изредка случалось чудесное исцеление, приписываемое милостью небес. Но случалось это оттого, что гниль тела находила выход – свищ прорывался, а с остальным справлялся организм. И чаще это случалось с телом молодым и сильным, а тут – старик. Увы, можно было спасти гораздо больше жизней, решись лекарь вырезать воспалённый участок из тела. Но кто ж возьмёт на себя такую ответственность… Князь встал из-за стола и вышел на балкон, не обращая внимание на застывшую, сокрушающуюся служанку. Он хотел глянуть в сторону деревни – вьётся ли жнец смерти. Может статься, девка опоздала, а отпускать её по темноте Сет зазря не хотел. Около церкви чувствовалось шевеление энергетических потоков. Жнец смерти, а то и парочка, вились в помещении. Если поспешить, можно было бы успеть

добраться.

– А что раньше-то не пошла? Сейчас он навряд ли тебя услышит.

– Ведьме никто говорить не желал. Думали, что и так она порчу навела. Мне только сегодня братец рассказал, – заламывая руки пролепетала Есения.

– Откуда ведьма? Почему я о ней ничего не знаю? – удивился Сет. Была бы на Итернитасе ведьма – он бы наверняка чувствовал возмущение потоков. Да и замок наверняка не упустил бы возможности полакомиться новым блюдом.

Глава 29.2. Антонов огонь

Внутри Есении всё оборвалось и похолодело. У неё и в мыслях не было, что Князь может не знать, что о ней поговаривают. В деревню она без острой нужды не совалась. Если раньше её лишь корили за неподобающее девице поведение, то после её прихода в Итернитас стало всё совсем плохо. Есе могли плюнуть вслед, детей старались увести с её глаз, как, впрочем, и домашнюю скотину. Она частенько слышала брань и проклятья в свой адрес. Но если раньше ей всё высказывали в глаза, стараясь задеть побольше, да пристыдить, то сейчас все нападки происходили полушепотом. Да и подходить к ней близко никто не стремился – вероятно, боялись, что порчу наведёт или сглаз.

Такое отношение болью отзывалось в сердце – как бы к ней не относились селяне, они всё равно оставались ей земляками. Зла она на них не держала. И, к своему удивлению, видела в этом определённые плюсы. Как минимум, открыто издеваться над ней никто не решался, ни словом, ни делом. И это не могло не радовать. За свою жизнь девица уже успела натерпеться, а сейчас могла просто уйти дальше, и никто не задерживал. Траян поначалу был доволен, что Еся стала изгоем, но потом был раздосадован – он надеялся, что девку вовсе сживёт со свету. Но селяне не спешили устраивать над ней расправу.

Поскольку девка долго не отвечала, Сет вернулся в помещение, скрестил руки на груди и выжидательно уставился на служанку. Но делать нечего, ответ держать придётся.

– Меня ей кличут… – прошептала Есения, внутренне приготовившись к вспышке гнева.

Князь, видя, как перепугалась девка, абсолютно лишённая магии, признавшись в таком, по её мнению, страшном грехе, что не выдержал и рассмеялся, расцепляя руки и садясь обратно за стол.

– Ты-то? Тоже мне, ведьма… Чего только люди не придумают, лишь бы за себя ответ не держать…

Есения, чувствуя, что время неумолимо уходит, начала злиться. Помня, чем закончились для неё предыдущий всплеск откровенности, сжала челюсти до скрипа в зубах и заглянула Князю в лицо. Тот всё ещё явно потешался над её горем, хоть и не смеялся вслух. Разглядывал её и тарабанил пальцами одной руки по столу, будто что-то замышляя.

– Ну, давай, говори – вижу, как слова на свободу рвутся.

Девушка сжала кулаки, сдерживаясь. Уж что-что, а вновь получить плетей она никак не желала. Навряд ли бы Князь простил ей, что она собиралась сказать.

– Давай так… Я твоему Эйлерту помереть не дам, пока ты не простишься, а ты взамен выскажись.

– Да что с того, что одному ему не дадите? Помереть – дело не хитрое, – и снова замолкла, сдерживаясь.

– То есть, тебе безразлично, что отпевать доброго чело-

века вскоре будут? Попытаться ему помочь даже не хочешь попробовать?

– Да что я могу?! Меня к нему и не подпустят даже! – голос Есении сорвался под недвижимым взглядом Князя. – Но вы-то можете? Вы же меня тогда подлатали – может, и его спасти сможете?

– А зачем это мне? Помирает старик, с которым я всего парой слов обмолвился. Пусть он мне и понравился тогда… Всё же своим чередом идёт. Никто не вмешивается, почему я должен?

– Пожалуйста! – робко пискнула Еся, почувствовав надежду. Князь редко заводил с ней разговоры, если это совершенно ни к чему не приводило. А она всем сердцем желала помочь священнику.

Сет фыркнул, закатил глаза к небу и покачал головой. В его понимании, девка и так ему очень сильно задолжала. Он бы мог помочь и просто так, дабы развеять скуку, но хотелось как-то подтолкнуть её к более активным действиям. Он упорно отказывался от мысли, что девица, даже при всей своей наивности не понимает его игр:

– Вы это слово каким-то заклинанием считаете что ли? Уже далеко не в первый раз меня им разжалобить пытаются… Нет! Мне это ни к чему.

Есению затрясло от ответа Князя. В душе поднималась злость на его бесчувствие, но страх всё ещё превалировал. Сет заметил, как потемнели глаза девки, вновь сменив цвет.

Почувствовал её гнев, машинально начал подпитываться этой энергией. Девица вновь стала походить на рассерженного воробья. Князь склонил голову набок и велел:

– Ну, давай, говори уже. Яриться не стану.

– Наши жизни и так в ваших руках. И как бы вы это ни называли – мы тут пленники. Всё, что происходит – по вашей… воле… Чего вы хотите? Что делать, чтобы вы помогли?!

Князь слегка склонил голову набок и прищурился, размышляя, стоит ли говорить девке в открытую о своих желаниях. Но это бы значило, что условия пари с отражением нарушатся – слишком похоже на приказ. К тому же стало любопытно, на что готова пойти девка ради спасения дорогого ей человека. Заставив себя перестать так хищно разглядывать служанку, Сет решил всё-таки пойти по длинному пути:

– Честно? Хочу, чтобы меня перестали обвинять в вашем же бездействии. Неужто на всю деревню не нашлось смельчака, кто бы решил из любимого священника хворь вырезать?

– Нету лекаря! Никто не умеет!

– Или боится, что его в смерти монаха и обвинят, хоть все вокруг знают, что он и так нежилец?

– Так что же, резать вслепую, чтобы убить наверняка?! – выкрикнула Есения, сжимая кулаки.

– Зачем вслепую? Я умею. Я командую – ты режешь. Режешь, очищаешь, обеззараживаешь и зашиваешь обратно, следуя моим указаниям. Только, если продолжать реветь бу-

дешь – на самом деле ничего не увидишь и ничего не получится, – невозмутимо ответил Князь. – До конца операции помогу жизнь в теле продержать, если понадобится… Ну а потом уж… Если тело справится без заразы в нём – очухается, ещё поживёт. Нет – так всё к тому и идёт. Ну и да, при худом исходе ты в людских глазах уже взаправду ведьмой навеки станешь, – завершив фразу, Сет приподнял брови и временно отвёл взгляд, давая девке понять, что теперь выбор за ней.

Он сам был бы в плюсе при любом исходе: если девка испугается и откажется, то полностью разочарует его, как человек – а значит, надавить и доломать её, как ему захочется, сами боги велят. Если старик не переживёт операцию, и всё-таки помрёт через какое-то время, то земляки удостоверятся в том, что девка – ведьма. Дороги за пределы стен замка будут для неё вовсе закрыты. Да и наверняка расстроится… А уж он её утешит… Тем более, что девка и так будет ему обязана за помощь – сколько ещё она сможет терпеть груз долга? Ну а если священник выживет, то она тем более будет ему должна. Да ещё и наверняка слёзы лить меньше станет, когда люди к ней лучше относиться начнут.

Есения тяжело дышала, хватая ртом воздух, будто бы она задыхалась. Кулаки разжались сами собой, руки начали дрожать от страха и волнения. Такого предложения она от Князя не ожидала. Да, она сама читала во время отдыха довольно много книг о целительстве и надеялась, что когда-нибудь

знания ей удастся применить. Мечтала, фантазировала, что ей удастся исцелиться не только самой, но и людям помогать. Если удастся выбраться. А сейчас, выходит, случай подвернулся. Да только руки дрожат. Есения наскоро вытерла рукавами глаза, неровно сделала вдох и закивала головой, не в силах вымолвить ни слова.

– Будем считать, что договорились, – ухмыльнулся Сет, внимательно наблюдая за поведением девки. Он почти на все сто был уверен, что девица испугается и откажется, но она его приятно удивила. Для осуществления задуманного время стремительно ускользало. Не то чтобы ему было жаль Эйлерта – он вообще не понимал, как люди в старости умудряются жить, да ещё и помирать не желают при этом, но в этом случае тоже стал надеяться на благоприятный исход. – Ноги в руки и в лабораторию! В сумку сейчас соберёшь всё, что я скажу, и выдвигаемся, – встреча с Джастином вновь откладывалась.

# # #

– Ну-ка, скорбящие, разойтись! Нехорошо живьём человека хоронить! – рявкнул Князь, едва растворив двери церквушки и обнаружив толпу, стремящуюся попасть в небольшую келью, где ожидал последнего часа старый монах. Не обращая внимания на испуганные взгляды селян, быстрым шагом двинулся в сторону Эйлерта по стремительно образовывающемуся проходу из расступающихся и отвешивающих

поклоны людей.

Вокруг кровати собралось не так уж много народа. На скамье сидел кручинящийся Всемир, опирающийся на свою неизменную палку. Рядом же стояли Ярек с Траяном. Они стали чаще общаться, как Еся перебралась жить в комнатушку при покоях Князя. Было ещё несколько жителей из деревни, неравнодушных к судьбе старика.

Когда из открывшейся двери повеяло ночной прохладой, сопровождаемой возгласом Князя, все вздрогнули и начали отходить от койки больного. Всемир вставать не спешил, внимательно осматривая взволнованную Есению с тяжёлой котомкой в руках и сощурившегося Князя, принёсшего с собой ночь и глоток свежего воздуха. Очень уж в помещении было душно. Его появление Кощуна тоже испугало, как и всех остальных. Но чуял он, что неспроста тот явился. Да и Есю рад был видеть. Девушка расцвела, но побледнела. Сказывалось, что свет стала реже видеть. Но в целом была здоровой. Только испуганной.

– Тяжело старику скакать. Дозволь, посижу…

– Оглохли?! Пшли прочь! – Сет, видя, что народ испуганно топчется на месте, решил их немного подтолкнуть лёгким импульсом, сжимающим сердце и желудок. Времени, отпущенного Эйлерту, оставалось мало. Церемониться было некогда, – Ты сиди, Всемир, – он узнал старца, взявшего на себя тогда обязанности старосты, ничего против его присутствия не имел. Даже подумал, что для девки будет лучше, что

староста её действия видеть будет. – Наблюдай, да не мешай.

Люди, испугавшись того, как тьма сжимает их тела изнутри, почти синхронно охнули и резво покинули помещение, недобро косясь на пришедших. Уже за дверью слышался их гневный полушёпот: «*Хоть бы дали старику уйти спокойно*», «*Ведьма Кощуна привела в Божий дом, что ж будет теперь?*».

– Ты что стоишь? – Князь лёгким подзатыльником привёл в чувство прислушивающуюся к разговорам толпы девку. – Воду неси, инструменты раскладывай.

Есения вышла из ступора, положила сумку в ноги и выскочила из комнаты – в подсобное помещение, где обычно стояли вёдра, наполненные водой про запас. Всемир смерил изучающим взглядом молодого Князя, который деловито заглянул шкаф, извлёк бутылку с кагором, налил себе в найденную простую кружку и пригубил церковное вино, ожидая возвращения девицы.

– Зачем, Князь, пожаловал?

– Будем считать моё присутствие здесь ответом небес на ваши молитвы.

Всемир, видя, что Князь к беседе не расположен, решил промолчать.

Глава 30. Чужой

Есения взяла одно из вёдер, в другую руку подхватила небольшой тазик, и собралась было идти обратно в келью, как путь перегородил Траян с озадаченным Яреком за его спиной.

– Ты что, ведьма, удумала? Решили с кощуном вовсе святого человека извести?

– Пройти дай! – щёки Есении гневно вспыхнули. Пререкаться с дядькой ей было совершенно некогда. Страх перед отчимом был вытеснен на задворки создания острейшим желанием успеть.

– Ишь, как заговорила, стерва! Всыпать бы тебе хорошенько, чтоб семью не позорила! Да язык подрезать, – Траян сделал вид, что замахнулся, но Есения, вопреки обыкновению, взглянула ему в глаза с упрямым упорством.

– А ударь! Посмотрим, что Князь скажет, что ты его приказ исполнить мешаешь.

– Сестрица, да что с тобой! Околдовал тебя, да? – Ярек машинально перехватил руку дядьки и подался вперёд, не узнавая поведения Еси. Он, вопреки увещеваниям Олафа, Кэйи и Джастина, сильно злился на то, что она ушла, отказываясь принимать во внимание обстоятельства. Сейчас же сердце стало щемить от тоски по ускользающей сквозь пальцы дружбе.

– Да некогда мне тут с вами! – рассерженно встряхнула волосами Еся и попыталась вклиниться между братцем и лавкой.

Траян недовольно скрестил руки на груди и преградил ей путь. Ярек машинально схватил сестрицу за рукав, не желая пускать обратно к кощуну. Она никогда раньше не позволяла себе уйти, пока старшие не разрешали. Но в этот раз она ещё сильнее вспыхнула, сбросила с себя руку брата, ловко выхватила из голенища свой железный ножичек и твёрдо посмотрела в глаза дядьке. Тот тоже не ожидал такого поворота. Руки медленно опустил и уставился на неё во все глаза.

– Пропустите! Эйлерту хворь вырезать нужно!

– Живого человека резать?! – воскликнул Траян так, что услыхал Всемир за дверью. Тот настороженно покосился на скучающего Князя, взявшего в руки молебник и от нечего делать читающего наугад открытую страницу.

– Князь, не серчай, дай старику слово молвить…

Сет не отрываясь от книги утвердительно кивнул.

– Не могу знать, что на уме. Но не дайте девочке смерть увидеть. Любит она Эйлерта как деда своего. Отошлите её. Не нужно ей на кровь и грязь смотреть.

– Так, не я его резать собрался, – ухмыльнулся Князь. – Не испугается, сдюжит – поживёт ещё ваш священник. Будете потом приходу рассказывать, как его ведьма спасла, если смириться с этим сможете.

– Всё-таки ведьма? – опасливо спросил старец.

– Не я её так величаю, – улыбнулся Сет уголком губ и коротко посмотрел Всемиру в глаза, затем вновь отвёл взгляд, давая понять, что разговор окончен.

В комнату зашла взъерошенная, пунцовая от раздражения и решительности девка с тазом в руках. Следом зашёл её сконфуженный братец с вёдрами. Замялся, встретившись взглядом с поднявшим бровь Князем.

– Я помочь хочу! Сестрице. Если позволите… – пробубнил Ярек, неловко поклонившись. Всё ещё пунцовая Есения, не обращая на него внимание, уже раскладывала принесённые с собой инструменты рядом с кроватью Эйлерта.

– Под ногами не путайся, делай только то, что велеть будут, – пожал плечами Сет. Лишние руки девке точно не помешают, а самому прикасаться к старику ему не хотелось.

Когда Есения закончила приготовления, уставилась на Князя широко распахнутыми глазами, глубоко дыша, стараясь побороть волнение.

– Ну? Раздевать его я что ли буду? – с нажимом сказал Князь, разведя руки под нервное постукивание палкой об пол от Всемира.

⋆# # #⋆

Стояла глубокая ночь, когда операция была проведена, и все разошлись по местам, оставив Ярека приглядывать за Эйлертом. Обессиленная Есения крепко спала в своей комнатушке, а Сет в душевном смятении продолжил вести за-

писи.

«Чувствую, сожгу я этот дневник, как только страницы закончатся, к чёртовой бабушке… Но обо всём по порядку.

Операция прошла успешно. Не без оказий – всё-таки первый опыт у девки. Тем не менее что она, что братец её меня приятно удивили. Ранее мне всё чудилось, что у парня кочан капусты вместо головы – но таки нет. Уж не знаю всю подноготную, но, похоже, за время врачевания священника они примирились. Во всяком случае, очень на это надеюсь – авось слёз теперь всё же меньше будет. Устал я от них. Ну куда это годится? Испуг – плачет. Обида – плачет. Радость – опять ведь плачет!

Надо признать, во время дела девка держалась молодцом. И наготы старика не смутилась – не до того ей было. А вот как надрез сделала, как я велел – тут её и повело. Думал, в обморок таки упадёт, но братец сообразил водой руки намочить и в лицо ей брызнуть. Она оклемалась, губу закусила, хорошо хоть не до крови – и делом занялась. Руки иногда дрожать начинали. Вся потеет, иногда начинает дышать часто, будто мутит её, но справилась. Справилась! Я еле удержался, чтобы не рукоплескать. Даже не ожидал от себя, что так доволен буду. Не могу понять, чем это вызвано. Может мне её ученицей взять? Интересуется целительством ведь – книжек сколько перетаскала уже… Ну ведь есть в ней сила. Есть! Ох, как же она её прятала! Как старалась, чтобы никто не заметил, не вытравил…

Вообще, очень трогательный был момент, когда проснулся Эйлерт, назвал девку внучкой, и она его осторожно так обнимать стала… Всемир разулыбался, опираясь губами о кисти рук на палке. За усами и бородой губ вовсе не видать, но по глазам видно было. Ярек залыбился, на лавку рядом с Всемиром сел. Старик его по колену потрепал, а тот старосту – по плечу. Потом к девке подошёл, на колени рядом с кроватью встал, и её жалеть стал, тихо рыдающую, по спине гладить. Я даже смутился. Такие все светлые, тёплые… Почти родные, хоть все четверо разной крови. Никогда настолько сильно не чувствовал себя лишним. Решил не мешать – вышел в общую залу. Тем более что от священника жнец почти сразу далеко отлетел, как только воспалённый участок девка вытащила. Крепкий мужик. Вовремя успели. Мне даже поддерживать не пришлось – только подсказывал, что и как делать надо.

Оказалось, что жнец в церквушке вьётся не один. Я на второго поначалу внимания не обращал. Но любопытно стало. Да и отвлечься хотелось. Пошёл в сторону его мельтешения. Он уже был в предвкушении. Душа вот-вот должна была вылететь – счёт на минуты. Мне всегда завораживал этот момент. Яркая искра, нежно обволакиваемая мягкой темнотой, испаряющаяся в небытие за считаные мгновения… Но в этот раз лучше б я остался дальше телячьими нежностями любоваться…

В соседней келье умирала старуха. Сморщенная вся, засу-

шенная, тощая карга. Ещё до входа в комнату послышался едкий кислый запах. Благо, вдыхать мне не обязательно – я ж только посмотреть зашёл. А она дышит тяжело. На табурете рядом с ней стоит тарелка с протёртым супом. Уже сто раз остывшим, наверняка прокисшим при такой духоте, и кружка. Она рот свой, почти беззубый, открыла и тихо так пить стала просить. Ну, рядом-то нет никого… На самом деле, удивительно, что она жива ещё. От немощных стариков люди часто избавляются. Зачем им лишний рот кормить? Хорошо, если по-тихому травят, или со скалы бросают. Но знаю случаи, когда в доме без еды запирали, или в лес по морозу увозили на съедение зверям… А тут явно ухаживали, но, понятное дело, священник на себя одеяло перетянул. Неважно. В общем, чёрт меня дёрнул взять её кружку, набрать воды и дать ей попить напоследок. Последнее желание всё-таки. Вот перед кем я сейчас оправдываюсь? Неважно…

Она как только напилась, клещом в мою руку вцепилась, даже приподнялась немного, глаза выпучила. Слепая… У меня нет моральных сил весь разговор записывать. Моя память отказывается его полностью воспроизводить… В общем, она меня приняла за своего сына. Лепетала что-то про голодный год… ну да, я-то тощий по любым меркам, что скрывать. Про жизнь она, в общем, говорила. Ладно бы, если просто уму-разуму отпрыска учила.

Ох, и злился я тогда на её сынка! Наверняка ведь знал, ще-

нок, что его родная мать при смерти. Раз до сих пор жива, значит, где-то загулял? Почему мне отдуваться? Если бы она просто что-то бубнила. А она ведь спрашивать начала. Ничего особенного вроде. Да и с первых слов было понятно, что память у старухи явно отказывала. Всё в кучу. То про невесток, то про урожай, то про корову… И ведь ответа ждёт, повторяет, за руку потряхивает. Я, вероятно, был в каких-то высоких чувствах после пробуждения Эйлерта.

Мысленно пообещав себе хорошенько её сынка выпороть, когда узнаю, кто это, начал ей отвечать какую-то чушь успокаивающую, надеясь поскорее отвязаться. Ответы её вполне устроили. Она с лёгкой улыбкой прилегла обратно на подушку, несколько раз мне руку погладила и отошла. Жнец душу подхватил и испарился. – «Благодарствую, князь, что уважил старую на смертном одре». Как же меня Всемир тогда испугал своим скрипучим голосом! Кажется, совсем у меня нервы расстроились… Не знаю я, сколько он за нами наблюдал… Я вздрогнул, если не подпрыгнул на месте. Спросил, чья мать сейчас померла, всё сына кликала… А он возьми и ответь: «Бажена мать. Того, кого ты на божьем суде топором зарубил. Других детей не осталось у неё – всех небо забрало…» Кажется, староста ещё что-то говорил. Я уже не мог слушать. Больно стало. Не могу понять, отчего. Кажется, мне действительно надо как-то отдохнуть… Отвлечься, развлечься… Не привык я столько эмоций без названия за раз ощущать. Мне тогда ком к горлу подкатил

и я вдохнуть не смог, чтобы что-либо ответить. Я просто встал, вышел за девкой, схватил ту под локоть и молча увёл. Наверное, со стороны это могло выглядеть грубо… Во всяком случае, что Эйлерт, что Ярек руками потянулись вслед за ней, и Всемир вздохнул шумно. А мне просто поскорее оттуда убраться хотелось.. Ну, может быть, держал я её слишком крепко – она потом локоть растирала… Кажется, когда тащил, она вначале что-то пискнула, потом уже испуганно смотрела. Но она почти всегда испуганно смотрит… Перед тем как спать уйти, уже у двери стоя, тихо так прошептала «спасибо», и ушла сразу. А я всё ещё был в слишком растрёпанных чувствах, чтобы хоть как-то расценить её намёк. Что мне с её спасибо? То ещё приключение мне устроила… Вернее, устроили…

Я какое-то время по комнате, не находя себе место, метался. Перед глазами то эта недосемья обнимающаяся, то старуха слепая, сыном меня кличущая… Решил записать всё, авось полегчает. Вроде бы немного успокоился уже. Хотя, теперь жалею, что сразу вслед за девкой не пошёл, узнать, что за «спасибо»… Теперь уже спит глубоко, судя по дыханию. Может, разбудить? В конце концов, действительно есть, за что благодарить сегодня… Да и хоть отвлекусь».

Глава 31.1. Открой глаза!

Сет коротко прикоснулся к клыку кончиком языка, отложил перо и тихо встал. Дверь в комнатушку служаки он открыл неслышно и быстро зашёл в маленькое душное помещение, прикрыв за собой.

«*Надо будет её в ту комнату, где Герда жила перевести, там хоть окно есть… Что молчит-то? Человеку точно дышать тут невозможно…*» – площадь каморки в его понимании близилась к шкафу. Помещались одноместная кровать, да сундук с плоской крышкой, на котором стояли кружка с водой, да свеча с лучиной, обваленной в серном составе. Окна не было – эта комнатка как раз прилегала со стороны скалы. Вентиляцией служили пара отверстий, ведущие в основные покои.

Духота стояла страшная. Лето выдалось тёплое, да и девка уже успела «надышать» – так что было даже жарковато. Девица лежала головой на свёрнутой в несколько слоёв тряпке, служившей ей подушкой, раскинув руки по сторонам, облачённая в дневную рубашку. Тонкое одеяло за ненадобностью сползло на ноги.

Сет немного задержался в дверях, наблюдая за размеренным глубоким дыханием служанки. Затем беззвучно переместился ближе и прилёг на край кровати рядом, подперев голову одной рукой. Темнота не мешала разглядывать мирно

спящую девушку, чем он с наслаждением пользовался.

Девка редко стала бывать на солнце, и её кожа начала терять золотистый загар, но всё ещё сияла здоровым цветом. Были даже еле заметные смешные веснушки, россыпью покрывающие слегка вздёрнутый нос и заходящие на скулы. Пушистые брови и ресницы, чуть темнее её светлых русых волос придавали лицу немного кукольный вид. Губы были бледноваты и сильно обветрены. Вероятно, сказывалась привычка их обкусывать и недостаток воды. «*Кажется, надо не только переехать ей предложить, может, стесняется спросить*?»

Какое-то время дамнар просто лежал и наблюдал за разменянным дыханием, слушал спокойный пульс девушки. Затем осторожно коснулся пальцами её полуоткрытой ладони и провёл по её руке вверх от кисти к предплечью, а затем и к тесёмке, стягивающий ворот на груди. Девка спала очень глубоким сном – на поглаживание по руке никак не отреагировала. Сет почувствовал некий азарт и почти детское желание немного похулиганить, пока она его не заметила. Он начал осторожно развязывать простой бант и ослаблять шнуровку. Поскольку рубаха была девке явно великовата, да и крой у неё весьма просторный, вскоре удалось отодвинуть край ворота и освободить для обозрения нагую девичью грудь.

Видимо, ткань немного пощекотала кожу девицы, и она заворочалась, глубоко вздохнула, повернула голову прямо

и приоткрыла губы. Сет замер с занесённой над девушкой рукой, выжидая, когда она уснёт снова. Будить её нарочно он не торопился. Убедившись, что девка продолжает сладко спать, осторожно накрыл своей ладонью её горло, прикоснувшись большим пальцем и заострённым ногтем яремной вены. Пульсация крови в артерии завораживала.

Осторожно, нежно провёл рукой от шеи и левой груди, легонько сжав и начав гладить пальцем быстро затвердевший сосок по кругу. Дыхание девки участилось. Она изогнулась во сне навстречу руке Князя, издав еле слышный стон, но не проснулась. Приоткрытые губы девицы манили и дразнили, будто приглашая продолжить. Сет потянулся к её лицу и осторожно украл поцелуй, боясь разбудить раньше времени.

Девушка закрутилась на кровати, взмахивая руками. Князь успел отстраниться, тихонько посмеиваясь, с азартом ожидая, проснётся или нет. Девица издавая тихие стоны ещё немного поворочалась и затихла.

«*Как тебе только не жарко*?» – Сет закусив губу во внутреннем волнении осторожно стащил с неё льняное одеяло, обнаружив, что девка ещё и в юбке. «*Что за привычка спать одетой? Может, настолько вымоталась сегодня, что решила не раздеваться?*» – он гадал, стоит ли стащить с неё юбку, или, наоборот, будет удобнее просто задрать. Девку хотелось немного потискать, даже если она и вообще не проснулась бы. Он положил руку ей на живот и замер, выжидая, пока её участившееся дыхание вновь успокоится. Затем

осторожно начал перемещать её ниже, наблюдая за реакцией девки.

Стоило его пальцам через одежду, коснуться девичьего лобка и спуститься чуть ниже, как она вновь застонала, резко вздёрнула колени и схлопнула ноги, так что Князь еле успел убрать руку. Ещё не открывая глаза, девица издала странный, средний между нервным вздохом, стоном и всхлипом звук и начала приподниматься. Сет, понимая, что-таки разбудил, с некоторой досадой, мягко соскочил с кровати и вжался в стену, протиснувшись за сундуком. Почему-то ему не хотелось быть обнаруженным именно сейчас.

– Кто здесь? – испуганным шёпотом пискнула Есения, почувствовав движение слева от себя, будто бы на кровати рядом кто-то был. Сердце было готово выскочить из груди от испуга. К тому же сладкий сон, снившейся ей перед пробуждением грозился оказаться гораздо более реальным, чем ей того хотелось.

Она лихорадочно крутила головой силясь всмотреться в окружающую темноту, но человеческому зрению нужен хоть какой-то источник света, чтобы разглядеть очертания предметов во мраке. Понимая, что просто так ничего не увидеть, Еся замерла и прислушалась, надеясь расслышать хотя бы крысу. Это хоть как-то могло объяснить ощущение присутствия на кровати постороннего существа. Было абсолютно тихо. Тогда Есения машинально прикоснулась кончиками пальцев к губам, вспоминая сон, немного успокаиваясь. И

опуская её вниз обнаружила, что грудь не зашнурована, как обычно, а открыта, а одеяло и вовсе куда-то исчезло.

Внутри всё похолодело. Она неоднократно слышала рассказы про действия морока, и оказаться безвольной куклой её совсем не устраивало. И пугало до чёртиков.

Сет недоумённо наблюдал как девица, вместо того, чтобы успокоиться и продолжить смотреть сладкие сны, подскочила как ужаленная, наткнувшись рукой на собственную грудь. Стала нервно шарить в темноте, а затем чиркать лучиной о столешницу, чтобы зажечь свечу. Он был уверен, что она проснётся в томном возбуждении. И никак не рассчитывал увидеть такой страх и панику. И в глубине души он начал осознавать, что если она его сейчас увидит, то нечто очень значимое для неё обрушится внутри души.

Он инстинктивно вжался в стену, менее всего на свете желая быть обнаруженным. Понимая, что если он даже на пределе заметной для человека скорости выскочит из комнаты – девка заметит движение двери и всё поймёт. А этого допустить было никак нельзя.

«*Думай, ну же! Ну почему я не могу просочиться сквозь стену как призрак!*» – Сет подумывал даже по-дурацки спрятаться под кровать, лишь бы не заметила. В ответ на мечущиеся мысли Князя пробудился Итернитас, и начал поглаживать его своими щупальцами, пока ещё не вырывая энергию. «*Вот тебя мне сейчас только не хватало! Хоть раз бы как-то помог, вместо того чтобы жрать!*» – мыслен-

но обратился Сет артефакту, мечтая успеть спрятаться, пока девка чиркает лучиной. С огорчением думал, что ей сказать, чтобы она не перепугалась ещё больше. Свеча тем временем была зажжена. Девка взяла подсвечник в руки и стала оглядывать комнату, скользя, в том числе и по месту, где стоял сконфуженный Князь.

«*Она что, меня не заметила*?» – ошарашенно осознал Сет, не увидев никакой реакции от девушки, после того как она несколько раз мазнула по нему взглядом. Он отчётливо чувствовал шевеление энергетических потоков, исходивших от замка рядом с ним, обволакивающих его, словно кокон.

«*Никого… Мне же просто приснилось всё, да? А может, спрятался?*» – Есения ловко соскочила на ноги и резко посмотрела под кровать. Ничего странного не заметила, осторожно распрямилась и медленно села, смотря в одну точку, всё ещё прерывисто дыша и размышляя.

«*Ежели был морок и я уснула после… Если сон был явью… Может, он всё-таки не стал бы? Или Ярек был прав полностью? Ох, горе мне, как понять? Не спрашивать же, в самом деле?*» – Есения дрожащей рукой поставила свечу на стол и стала приводить в порядок ворот. Черты её лица на миг исказились, как это бывает, когда человек старается подавить слёзы. «*Кровь! На кровати ведь точно останется кровь, если что и было?!*»

Сет, машинально прикрыв себе рот ладонью изумлённо наблюдал, как успокоившаяся было девка вновь вскочила на

ноги, снова схватила свечу и стала обследовать простынь. Затем перекрутила юбку задом наперёд, ничего не обнаружив поставила свечу на сундук и стала ощупывать себе шею. Ничего не обнаружив облегчённо вздохнула, продолжая дрожать, и странным взглядом уставилась на дверь, соединяющую их спальни. Ему казалось, что прошла целая вечность, пока девка не подтянула к себе одеяло, погасила свечу и закуталась при всей жаре и духоте с головой как гусеница, оставив лишь небольшое отверстие для носа, чтобы окончательно не задохнуться. Улёгшись набок, подтянула к себе колени, свернувшись практически в клубок.

Он уже абсолютно полностью удостоверился, что «спасибо» не имело никаких дополнительных смыслов, как он привык. К служанке его действительно тянуло, как и к остальным, попавшим в его поле зрения симпатичным девицам. Ранее он не видел в подобных играх ничего предосудительного. Чаще от него даже инициативы не требовалось, если не считать морок – развлечься желали обе стороны. Какие эмоции испытывали партнёрши после, его никогда не заботило.

То, что для этой девки даже невинное с его точки зрения развлечение имело совсем иное значение, оказалось крайне неприятным сюрпризом. И ночью его тем более не ждала. «*Отлично… Теперь я себя чувствую не просто кровососущим монстром, а еще и насильником, хоть и не сделал ничего… Прелестно, просто прелестно. Развлёкся, называется… А она ещё и девственница, похоже. Ох, и угораздило ме-*

ня. Спи ты уже скорей! Видеть тебя не могу!» – думал Сет, с нетерпением ожидая, когда уже девка, наконец, заснёт обратно, чтобы он смог уйти.

Как только дыхание девушки вновь стало размеренным и мышцы под одеялом расслабились, он, не желая ни минуты лишней оставаться наедине с непонятно с чего вдруг пробудившейся совестью, вышел из её каморки. Немного помедлив, открыл настежь её дверь. «*Может испугается, но хоть подышит*», а заодно и отворил у себя в покоях все окна, чтобы впустить как можно больше воздуха.

Глава 31.2. Открой глаза!

Было далеко за полночь. Свежесть ночи немного приглушала мерзкое настроение и зачатки стыда за содеянное. Вдалеке были слышны Волки. Сосредоточившись на ощущениях, Сет обнаружил Джастина рядом с комнатами Олафа. «*Сегодня ведь уже не сможет стать ещё хуже, верно?*» – с надеждой подумал Сет, решая себя добить попыткой поговорить со старшим братом.

Покои он покинул не сразу. Тем более что ощущение кокона энергии всё ещё присутствовало, усиливаясь, стоило ему приблизиться к стенам и замереть на месте. В нерешительности он вновь перевёл взгляд на комнатушку служанки и обречённо вздохнул. «*Ведь точно испугается… и расстроится*», – немного поколебавшись, открыл дверь в комнату, где раньше обитала Герда, не удержавшись, осмотрел её пару минут.

Помещение было раза в три просторнее комнатушки, в которую не глядя юркнула девка, когда пришла заселяться. Кроме кровати в интерьере присутствовал небольшой столик, тумба, сундук, узкий гардероб и стул. Помимо окошка, выходящего, как и балкон, во внутренний дворик, по стене рядом с кроватью находилась труба, зимой по ней шла горячая вода для отопления – шансы замёрзнуть были малы.

Сердце вновь сжала тоска от вида пустой заброшенной

комнаты. Сет отвёл взгляд и наскоро черканул записку. «*Как проснёшься – наведи порядок во второй комнате для слуг. Дверь я открыл. Переселяйся туда. Не бойся растворять окно, когда захочешь*». Решив, что этого вполне достаточно, тихонько занёс записку в каморку служанки, положил на сундук, придавив край подсвечником. Коротко бросил взгляд на всё ещё завёрнутую в рулет девку, и вышел.

Джастин и Олаф общались у площадки, возле каменистой арки, обвитой плющом. Старший брат, как всегда, сидел на стене, болтая ногой и изредка откидывая от себя мелкие камушки. Вожак нервно ходил рядом. До Сета доносился обрывок разговора:

– Хоть в Волка превращайся, да по следу иди, честное слово… Ушёл вечером, уже светать скоро будет, а он до сих пор не вернулся. Кэйа вот-вот родить должна, где его носит?

Всё ещё ощущая обволакивающую его энергию Итернитаса, напоминающую ему чёрный туман, Сет подал голос:

– Если ты про Ярека, то он в церкви. За священником присмотреть остался после операции.

Джастин и Олаф одновременно вздрогнули, озираясь по сторонам, хоть Сет и стоял от них в пяти шагах. Брат быстро взял себя в руки. Помрачнел, затем принял безразличное выражение лица, спрыгнул на землю и учтиво поклонился, не угадав с направлением.

– Я левее стою… – пробурчал Сет, чувствуя нарастающее

раздражение. Формально придраться было не к чему, но он-то хотел, чтобы брат вёл себя как раньше.

– Простите мою ошибку, но Вас действительно не видно, – бесцветным голосом произнёс Джастин, поворачиваясь чуть левее и повторяя поклон. Брат явно не врал, и невидимость начала потихоньку пугать.

– Да хватит тебе уже! Перестань! – Сет приблизился к нему и тронул за плечо, ощутив, что энергетический кокон рвётся, и Итернитас отступает. Джастин вздрогнул от прикосновения, немного отвернулся и углубил поклон.

– Тьфу! Напугал! – в сердцах бросил Олаф, мотнув головой, скрестил руки и тоже отвернулся.

Джастин молча распрямился, но на Сета так и не посмотрел. Уставился вдаль мёртвыми глазами и застыл на месте. Сет с досадой убрал руку с плеча брата, не зная, что нужно сделать, чтобы привести его к обычному состоянию.

– Интересно, если я прикажу тебе забыть это недоразумение, перестанешь ёрничать? – сердито буркнул Сет.

– Память, сдаётся мне, просто так не отключить. Вероятно, магия решит, что мне стоит размозжить голову о каменную кладку. Но, если желаете… – Джатин безразлично пожал плечами.

– Боги, нет, конечно! – прошептал Сет, отходя на шаг, обхватывая себя руками, – Я не знаю, как исправить… Ты сам меня спровоцировал! – рявкнул он, впиваясь ногтями себя в руку.

– Сет, я, конечно, понимаю, что у вас свои отношения, но люди обычно хотя бы извиняются… – пробормотал Олаф, глядя в сторону церквушки.

Братья упрямо молчали, стоя как где бледные тени самих себя на фоне замка.

– А что за операция? – Олаф решил прервать гнетущее молчание.

Сет вкратце рассказал друзьям ситуацию с Эйлертом. В конце добавил:

– Так что, может сдаться, скоро на ноги встанет… Слушай, а Кэйа с Яреком ещё не женаты? Не помню, чтобы свадьбу гуляли…

– Так, я тоже не помню, чтобы тут хоть раз кто свадьбу гулял! Живут и ладно. Лишний раз внимание не привлекать… – ответил Олаф.

– Так кому сейчас-то привлекать? – удивился Сет и развёл руками. – Взяли бы, да справили, как священник очухается, да Кэйа после родов в себя придёт. Будто бы я, когда против был… – проворчал он, внезапно смутившись.

Олаф впервые за разговор вперился в него взглядом в упор.

– И шум тебя не побеспокоит, Княже? – с лёгкой издёвкой, прищурившись, спросил Олаф.

Сет переводил взгляд с одного родного для него лица на другое, и его дыхание само участилось, видя их отстранённость и подавленность. К щекам прильнула кровь, глаза на-

чало неприятно пощипывать, к горлу подкатил ком. Он машинально обхватил себя руками и отвернулся, лишь бы не видеть их кислые лица. И не выдать своих чувств. Эти ощущения были стократ хуже, чем когда он наблюдал картину единения разнокровной семьи в церкви. Всё-таки те люди были ему безразличны, а тут…

Здесь он тоже был чужой. Лишний. Хотя, этим двоим, он всегда, как никому другому, желал добра. Друзей он удерживал в пределах острова в надежде, что до них никто не доберётся. Был уверен, что сможет их, в случае чего, защитить.

Но учитывая, колоссальную разницу в оценке его действий относительно служанки, будь она неладна, выходило, что он в упор не видел, как рушил всё собственными руками. Похоже было, начал при этом достаточно давно. И не заметил, как сам перестал являться для них другом. Стал Князем вместо отца, и ничего более. Как исправить положение, он совершенно искренне не представлял. Но от осознания этого, менее дороги Джастин и Олаф ему не стали. В этот миг у него начало зарождаться пока не оформленное, не до конца осознанное, но неотступное желание попытаться дать им хоть крупицу счастья. Даже если для этого потребуется остаться за бортом навечно.

– Потерплю… И нет, не побеспокоит. Пусть хоть кто-то здесь… «*Хоть на день почувствует себя счастливым*» – подумал Сет, но затолкал слова себе поглубже в горло. Джастин всё это время стоял не шевелясь, не выдавая своих чувств

и присутствия абсолютно ничем. Весь в ожидании распоряжений. «*Идеальный кнехт*», пронеслась горькая мысль, раздирая душу.

– Средствами обеспечу. Избу построить и сами сможете – не нужен вам от меня указ. Как соберётесь – гуляйте в удовольствие. Представьте, что меня здесь вовсе нет. Да и необязательно в замке! Деревня отстроена – гуляние можете устроить и там. Не переживая, что я вдруг сорвусь… – не выдержав напряжения, Сет вытащил крылья и взлетел, держа курс на башню отцовским кабинетом. Пересекаться с кем-либо сегодня было выше его сил.

Олаф проводил взглядом сбегающего друга и тяжело вздохнул, переводя взгляд на всё ещё обездвиженного Джастина.

– Отомри! Хватит уже… Улетел…

Джастин моргнул, неловко повернулся, будто бы у него всё затекло и со вздохом сел на землю, понурив голову. Олаф, кряхтя, присоседился рядом.

– Ну что вы как дети, ей Боже! Что-то мне подсказывает, что он хотя бы начал осознавать, что натворил дел.

– Ты думаешь, что извинений будет достаточно? Ты просто не понимаешь…

– Да! Не понимаю я этой вашей мертвяцкой хреномути! Знаю только, что вы всегда друг за друга держались. А сейчас оба по уши в гнилье угваздались. И продолжаете топиться,

вместо того чтобы разобраться…

Джастин продолжил угрюмо сидеть. Олаф не выдержал.

– Ну что? Малой ведь и не был никогда человеком по сути… Ну не понимает он некоторых вещей…

– Я б объяснил, да он слушать не станет, – угрюмо пробурчал Джастин.

– Станет – не станет, а свадьбы эти стены, похоже, ещё не видели… Во всяком случае, на моём веку их точно не праздновали, – мечтательно протянул Олаф и встал, растирая колени. Хоть оборотни и старели значительно медленнее людей, возраст начинал сказываться, – Ну что, клыкастый, с организацией-то поможешь или будешь теперь вечно жопой на земле сидеть, пока Князь не соизволит велеть подняться? – и протянул руку другу, чтобы помочь встать.

– Да иди ты… – Джастин принял руку и поднялся, выпрямляя осанку. – Конечно, помогу! Авось действительно что-нибудь, да изменится.

Интерлюдия 4

– Мои поздравления, Октавио! Надеюсь, и сын, и мать чувствуют себя хорошо?

– Благодарю вас. Не всё прошло гладко, но у эльфов действительно очень сильные лекари. Я благодарю небеса каждый день, за то, что Зельда оказалась в доме Айвори во время родов. И каждый раз поражаюсь, какими путём нас туда привело.

– Мой дорогой клыкастый друг, отчего же у тебя такой хмурый вид? – Октавио угрюмо уставился на валяющегося на траве Багхеса. – Любимая, пусть ей ещё долго выздоравливать, цела. Под надёжной защитой. Родился здоровый, крепкий сын. Ты обрёл много новых друзей, сбежал от своей ледяной семейки…

– Полно, Багхес, не приставай к нему. А вы, Октавио, не беспокойтесь. Вашей вины нет в том, что не успели научиться притворяться за столь короткий срок. А то, что ваша душа осталась в теле – это ваше счастье и наш общий секрет.

– Не понимаю! Зачем ему нужно было оставлять её? – Ластиэль чувствовал себя виноватым, видя беспокойство друга. В том, что душа Октавио была на месте, он понял при самой первой встрече и, ещё до того, как его попросили не разглашать эту особенность. Но Селфис уже пожелал познакомиться с новоиспечённым вампиром лично.

Багхес тоже силился это понять… Увы, обсудить снова было не с кем.

«Признаться, я тоже удивлён. За годы знакомства с ним и его отцом, подобной милости к живым не замечал… Разве что, к своему брату-кнехту он наверняка тоже её оставил. Во всяком случае на фоне остальных клыкастых он выглядит чересчур отзывчивым.

Знаешь, почему я смолчал, когда мой светлоокий друг заточил тех несчастных рабочих в клетки и начал свои эксперименты? – хорнд в задумчивости рассматривал Ластиэля, так похожего на обоих братьев.

Мне было их жаль! Но они же не какие-то чернорабочие. Образованные. Все они подписали контракт. Я видел бумаги, сам пробежался глазами… Разумеется, именно что про подобный результат было ни слова, но они поступали в полное распоряжение эльфа… «И другие» – так удобно! Что угодно можно подвести.

А вот Джастин согласия на подобное не давал… И Леди Руасил, тем более не желала лежать при смерти в своих покоях… При том, что они ему, в общем-то, родные… Я к тому, знаешь, на что мне это кажется похожим? ..

Вот есть, допустим, люди… Хотя, почему, допустим. Они же действительно есть. И им нужны ресурсы. Они вырубают леса, ломают целые горы, роют шахты, извлекая металл и самоцветы, осушают болота, охотятся… Это вполне понятно… Это нужно для их же жизни. Для ком-

фортной жизни нужно ещё больше. Что не могут достать сами – отнимают у себе подобных.

А я подумал, природа – ведь их мать, если уж так разобраться… Любой ребёнок много что берёт у своих родителей. Да и они сами многое готовы дать просто так! Зачем же губить её нарочно? Но тут я, вероятно, слишком предвзят… Всё-таки…»

– Мой Король, а взаправду говорят, что его кнехт, ваш старший брат? – выпалил Ластиэль, не замечая, что хорнд витает глубоко в своих мыслях…

Селфис на мгновение поджал губы, но всё же решил, что если они когда-то встретятся, внешнее сходство и так будет очевидно. Врать было бессмысленно.

– Я не могу отрицать того, что при жизни Аэлдулин был моим старшим братом. Но я его уже успел оплакать и похоронить. Не могу в должной мере считать его тем же, кем он был ранее.

– Разве наличие живой души ничего не меняет? – Ластиэль продолжал упорствовать видя, как Октавио мрачнеет с каждой репликой.

Бахгес вновь вынырнул из своих дум и явно с интересом стал прислушиваться к ответу.

Селфис обречённо вздохнул. Разговор явно шел не по тому пути, который он запланировал. С одной стороны, наличие нового кнехта от молодого князя было ему на руку: оче-

редное доказательство, что для дамнара, как и для его отца, нет ничего святого. К тому же , можно было скинуть на него часть обвинений, мотивируя приказом от правителя Итернитаса. Но наличие души многое меняло.

Во-первых, было невооружённым взглядом видно, что Ластиэль привязался к Октавио также, как в своё время он прикипел к Ферджину. А подставить друга собственного сына, пусть на него и были свои планы – было плохим вариантом. Ластиэль и так задавал слишком много вопросов, и Селфису было совершенно невыгодно, чтобы отпрыск стал много думать.

Во-вторых, Октавио хоть и был рад тому, что его возлюбленная, пусть и косвенно, но благодаря его обращению, перебралась жить к эльфам, своим же новым качеством доволен не был. От насилия его воротило, всё время носил собой томик святого писания и совершенно не умел притворяться. И был молодой версией Ферджина. Моложе, занудней, глупее, моральней… И всё-таки являлся союзником. В-третьих, хоть какое-то время он мог бы работать на два лагеря, даже не зная об этом.

– В отличие от вполне лицезримого перед нами Октавио по поводу Аэлдулина у нас нет доказательств. К тому же, где он был все эти годы? Мог бы хоть весточку матери прислать.

Октавио, всё больше ощущал себя не в своей тарелке. Он не был уверен, слушает ли через него их разговоры князь, и быть невольным шпионом категорически не хотелось. Пока

не было сказано слишком многое, выпалил:

– А вы уверены, что мы вообще можем обсуждать это всё при мне? Не могу избавиться от чувства, что подвергаю вас опасности одним только своим присутствием.

– Резонно. Но вы наш гость и друг. Я не собираюсь отсылать вам только на основании того, что мой младший братец может сделать из вас марионетку. Вы же уже поклялись, что от него не поступало никаких приказов, кроме тех, о которых вы нам рассказали во время обращения. Да и я уверен, что мы успеем вас, с позволения сказать, обезвредить.

– Я бы предпочёл, чтобы до этого не дошло. Вы позволите? Уже почти полдень. И мне следует вернуться в поместье. Семья будет решать, как поступить с бастардом.

– Разумеется, вы можете идти. А я бы хотел ещё побеседовать с Багхесом.

Когда Октавио и Ластиэль удалились, Багхес присел, обхватив колени руками. Он пожёвывал высохшую травинку и буравил взглядом Селфиса, но молчал, вопреки своему обыкновению. Это настораживало. Эльф не выдержал молчания первым, и, стараясь не выдавать беспокойства, спросил:

– Что тебя беспокоит?

Хорнд коротко мазнул по Селфису взглядом, задумчиво причмокнув. Недоверие начало терзать его уже довольно давно, но он дал слово ещё на заре их дружбы. И признаваться в своих сомнениях было тяжело и горько.

– Души, мой дорогой друг. Души, – Багхес пребывал в тоске и глубоких раздумьях, отвечая на вопрос. Но реакция эльфа его сейчас волновала мало. Ответить хотелось прежде всего себе самому, – Знаешь ли, я к ним всегда был неравнодушен, уж прости за тождесловие… – и замолчал, уйдя в свои мысли:

«*Души… Версий, куда душа уходит после смерти столько… Но души уходили и раньше. До того как люди начали строить версии с несколькими уровнями бытия. Я, признаться, мало интересовался посмертием. Меня слишком влекла жизнь. Решил оставить всё как есть – работало же… – хорнд в задумчивости погладил себя по руке и так и остался в полуобнявшей себя позе. – Но мне всё равно было мало. Наблюдать – это одно. А участвовать самому… Чувствовать… Ощущать…*» – заметив, как напрягся эльф, продолжил, немного смущённо, разведя руками:

– Я не отказываюсь сделать то, о чём мы договорились! Но, признаться, когда мир покинул старый князь, я тогда уже заметил, что молодой ведёт себя… Иначе, чем остальные клыкастые. Про Джастина я вообще молчу – он хоть и умеет притворяться получше, чем Октавио… – сформулировать свою мысль мешала ментальная пелена. Незаметный спутник, появляющийся каждый раз, стоило ступить в поле зрения эльфа. Тем не менее внутренний протест стал достаточно силен, чтобы закончить речь, – но я не хотел бы губить его душу, если она ещё там.

Руки Селфиса дрогнули и он сцепил их перед собой в замок, чтобы не выдать волнения. Если вдруг хорнд решит переметнуться – это спутает все карты. Допустить этого было никак нельзя.

– Я лишь хочу выманить лису из норы. Он не пойдёт на контакт, пока ему не станет что-то позарез нужно.

– А Леди Руасил?

– Что Леди Руасил? – Селфис выразительно поднял брови, показывая искренне удивление.

– Ранее ты травил её, чтобы она потихоньку передавала тебе дела и власть, ссылаясь на здоровье. Сейчас же она, я бы сказал, при смерти. И откровенно говоря, мне это не нравится.

Селфис вздохнул и, взвешивая каждое слово, ответил, скрывая испуг. Как Багхес прознал об этом, эльф не знал, но отрицать тоже не мог.

– Я не собираюсь убивать её без особой нужды. Но мне надо убедить совет в том, что откладывать активные действия больше нельзя. Мой друг, надеюсь, это между нами? Я же посвящал тебя в план в знак доверия, почему тебя это вдруг начало беспокоить?

Багхес был задумчив. План, поначалу показавшийся ему интересной игрой, обрастал подробностями, с которыми было сложно мириться.

«Леди Руасил оказалась прикована к постели, и я уже сомневаюсь, что она придёт в сознание… И у Джастина в те-

ле, оказалось, всё ещё есть душа. Селфис и бровью не повёл, прося меня подтолкнуть изменения… Пусть я плохо представляю, что происходят с душами после, но ведь главное – как они прожили жизнь? А Джастин далеко не наихудший представитель… Поправь меня, если я ошибаюсь…

Вот и я сомневаюсь, а к тому ли из братьев я обратился за помощью… Если так разобраться, с клыкастым меня тоже многое роднит… Мне не дает покоя Итернитас. Наврал мне эльф, или нет, а итоги подводить всё равно придётся рядом с этим замком.»

Он пока ещё не до конца обдумал всю ситуацию. Всегда предпочитал плыть по течению, гадая, к какому повороту приведёт поток событий. А сейчас было чувство, что за ногу зацепилась склизкая, но крепкая коряга, готовая утянуть на дно. Но он давал слово, а отступать не любил. И обдумать, как поступить дальше, решил чуть позже. Поглядев, к чему приведут его действия.

– Иногда у всех нас возникают сомнения, стоит ли игра свеч… Разумеется, между нами. Надеюсь, ты всё просчитал верно. И, признаться, я устал переправлять твоих тварей в разные точки Атиозеса. Их же осталось совсем мало? Если ты не против, свой инструмент я заберу. Соскучился по его музыке.

Глава 32.1. Травма

Солнце уже давно стояло в зените, выжигая своими лучами всё, что не успело спрятаться в тень. Сет всё-таки вернулся в покои, надеясь, что сможет быстро забыться сном. Девка копошилась за дверью своей новой комнаты. Теплилась робкая надежда, что она не заметит его прихода, и не надо будет с ней контактировать. Сет был эмоционально опустошён совершенно полностью. Хрупкая апатия держалась лишь на безграничной усталости. Чаша весов между взрывной агрессией и бездонного уныния опасно покачивались, но пока сохраняла баланс.

Князю не хотелось ни о чём думать. Из разума не желал уходить образ пустых безэмоциональных глаз старшего брата. За утро, проведенное в уединении, в душе протанцевал в бешеном ритме целый табун из разнонаправленных, противоречивых чувств. Отстранённое поведение Джастина приводило в бешенство, переходящее в уверенность, что так и должно быть. Спокойствие сменялось отвращением к самому себе, перерастая в больное веселье от неожиданного осознания, что на проклятом острове может случиться праздник. И тоска оттого, что он настолько погряз в своих переживаниях, что совершенно не замечал, что страх и трепет, испытываемый перед отцом и жнецом перешёл на него. Хотя в самом начале он сам себе обещал свернуть на другой путь

и казалось, что новая метла в его лице по-новому метёт. Тем не менее праздники не устраивали даже его друзья, а он этого просто не видел.

Сквозь полудрёму Сет ощутил на себе чей-то настойчивый взгляд. Чаша весов начала склоняться в сторону агрессивного раздражения. Подняв веки, он перевёл взгляд, не поворачивая головы на стоящую рядом служанку. Медленно моргнув, дал понять, что слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.